

Главный оптимист страны

*Главный после Левитана
теледиктор страны.
Скала, кремьень, основа основ.
Оплот государства.
Человек, на котором столько лет
держался наш голубой экран.
Игорю Леонидовичу Кириллову,
конечно же, есть что рассказать
потомкам.*

Тем более накануне своего 85-летия.

«Нет никакого зомбоящика!..»

Игорь Леонидович, вы сейчас смотрите телевизор?

– Увы, смотрю.

«Увы» – оговорка по Фрейду?

– Ой, что-то я не то сказал. Давайте я буду отвечать как Киса Воробьянинов: «да уж» или «нет уж».

Но почему вы смотрите телевизор – это что-то профессиональное? У вас нет аллергии на него после стольких лет работы там? Может, его выключить и не смотреть? Или вообще не иметь его дома.

– Нет, за кого вы меня принимаете? Всего лишь 60 лет прошло, как я работаю на телевидении, это же небольшой срок. Волей-неволей я должен быть в курсе всех событий, что происходят в мире. Конечно, я смотрю, переживаю, иногда расстраиваюсь, иногда радуюсь. Как и положено. Но это уже вошло в плоть и кровь мою, так что я не могу от этого отказаться, простите.

Вы не согласны с тем, что телевизор не дает полной картины того, что происходит в стране и мире? Телевизор, как в ваше

время, опять стал орудием пропаганды.

– Я так не могу сказать. Я могу повторить слова, которые сказал наш замечательный в прошлом руководитель телевидения Леонид Петрович Кравченко. Он сказал, что телевидение – это отражение жизни. Что есть на самом деле, что переживает страна, все это мы видим по телевизору.

Но даже в ваше время были альтернативные источники информации. Например, люди слушали Би-би-си, «Голос Америки», радио «Свобода», с глушилками, конечно. Сейчас альтернативный источник – это Интернет, вы не пользуетесь им?

– Только для того, чтобы прочитать главные новости, сравнить их с тем, что я видел по телевизору. Должен вам сказать, что прежде всего я пользуюсь Скайпом, чтобы общаться с дочерью каждый день, она в Германии живет. Помните фильм Владимира Меньшова «Москва слезам не верит»? Помните, как там один из героев, оператор, говорит, что театров не будет, кино не будет, будет одно телевидение.

Одно сплошное телевидение!

– А теперь уже сплошной Интернет. Он и в телефонах, айфонах, я не знаю где. Люди идут или едут в транспорте и вместо того, чтобы читать книжки, щелкают свои вот эти изобретения века, потрясающие, конечно. Интернет – это ужасно, это как паук, который своей паутиной охватывает весь мир. Но что делать?

А когда сейчас телевидение называют зомбоящиком, вам не обидно?

– Обидно, потому что это не совсем правильно. Вот «зомбоноутбук» – это да, а с «зомботелевидением» я не

согласен. Теперь же стало очень много каналов, многоканальная жизнь, и можно составить очень четкую картину того, что творится в стране и мире.

Но вы же все-таки вели программу «Время», то есть работали в политическом вещании. Понятно, тогда было Центральное телевидение, и откуда все управлялось, известно. Сейчас разве не похожая ситуация, когда все политическое вещание тоже управляется из одного окошечка под названием «власть»?

Ну, я не знаю, я в этом не убежден. Может, центральные каналы, конечно, прислушиваются, но никакого давления Администрации Президента я не ощущаю. Может быть, я уже стал стар и многого не понимаю, но такого, как было раньше, все-таки нет. Руководители прежде всего центральных каналов решают свою задачу довольно самостоятельно. Значительно проще, значительно свободнее стали работать абсолютно все, это я точно вам могу сказать, потому что встречаюсь, разговариваю и общаюсь с теми, от кого зависит репертуар наших каналов. Они достаточно уверенно и свободно себя чувствуют, мне так кажется. Может быть, я ошибаюсь.

Эх, вашими бы устами...

– И все равно это несравнимо. Знаете, когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли, какая была цензура! Напрасно вы со мной говорите, я не политолог, я обыкновенный, нормальный человек. Конечно, я не могу себя оторвать от телевидения до сих пор, потому что меня очень беспокоят некоторые вещи. Такие, как, например, невысокий профессионализм тех, кто заменил дикторов. Теперь это слово, как это по-русски сказать...

Устаревшее?

– Но они называются телеведущими, понимаете. Это как

вагоновожатые. А еще дополнительно некоторые девушки называют себя «модель и телеведущая». Почему, я не знаю. Знаете, немногие из наших любимых уважаемых журналистов обладают талантом настоящего телеведущего. Но меня еще больше беспокоит состояние русского литературного разговорного языка.

Ровно об этом мне всегда говорит Виктор Иванович Балашов, ваш старший коллега.

– Это наша общая беда сейчас. Помните, Дмитрий Сергеевич Лихачев, сравнивая языковые проблемы Римской империи, предупреждал, что потеря родного языка может привести к распаду страны. То, что произошло в Римской империи в свое время. Это он говорил давно еще, уже тогда была тенденция к упрощению, к этому новоязу. А уже после, как я это называю, третьей русской революции 91-го года, когда все перевернулось, когда из державы мы стали просто Российской Федерацией, вообще всё испоганили. Сейчас с экрана несется язык, который ты слышишь на улице, молодежь ничего не читает. А наше поколение уходящее с детских лет воспитывалось именно на русской классической литературе, мы впитывали всю эту музыкальность, удивительный шарм настоящего классического русского литературного языка.

А к вашей последовательнице Кате Андреевой, вот уже 25 лет ведущей программу «Время», вы тоже предъявляете эти претензии?

– Это удивительно талантливый, удивительно глубокий человек, духовно богатый. Но сейчас она работает на 35–40 процентов своих возможностей. Понимаете, такая тенденция сегодня – говорить быстро и громко. Развивается техника, давно уже появился сүфлер, причем не такой, как был когда-то в первые годы, а уже электронный, и поэтому зачем беспокоиться, если

можно говорить громко, быстро, непонятно... Ну не может человек очень быстро говорить, если он хочет высказать то, о чем он думает.

Знаете, еще я очень люблю Юленьку Меньшову. Для меня она продолжение великого мастерства Валентины Михайловны Леонтьевой, которая всегда была сама собой в предлагаемых обстоятельствах. Леонтьева была на голову выше всех нас как настоящая телеведущая.

«Кириллов? Мне не нравится, фу. Вот Балашов – это другое дело!..»

Ну а если вспомнить вашу такую сверхответственную работу...

– Вообще работа на телевидении не просто работа, это действительно большая ответственность. Мы имели счастье приходить в дома к миллионам людей, и, конечно, тогда нужно быть не просто Диктором Дикторовичем или Дикториной Дикторовной, прочитать текст быстро и громко, а это должен быть умный нормальный собеседник с большой буквы, понимаете? Тот человек, который приходит к вам через телевизор, несет не только информацию, он несет свою оценку тому факту, о котором он говорит. И не навязывая ее вам, а через вопрос: а вы как думаете?

Слушайте, но когда вы зачитывали эти скучнейшие обращения ЦК КПСС к советскому народу, какого собеседника вы хотели услышать по ту сторону экрана? Вы прекрасно это читали, но народ все равно плевался от такой казенщины. Люди-то жили совсем другой жизнью.

– Я тогда хотел уйти с этой работы, заниматься другими программами. Меня, конечно, не отпустил наш председатель, но посоветовал перечитать всего Салтыкова-Щедрин и подсказал, как приобрести полное собрание. Я прочитал и понял: в русском общении не так важно то, что вы говорите, а что за этим стоит. Когда телевидение было искусством, в нашей профессии, в

профессии любого телеведущего, журналиста, корреспондента, комментатора, политобозревателя все-таки главным были три кита. Первое – что я говорю, то есть вы должны очень четко представлять себе содержание и как-то проникнуть в суть всего этого. Второе – кому я говорю. Не миллионам, не тысячам, а одному человеку. Не родственнику, боже упаси, а тому, которого я знаю. Это мог быть мой знакомый, который настроен положительно к режиму или саркастически относящийся к тому, что происходит в нашей стране, одним словом, нормальный хороший человек, с которым приятно побеседовать. У меня был такой человек, сосед по лестничной площадке, Маршал Советского Союза, маршал авиации, дважды Герой Советского Союза Евгений Яковлевич Савицкий. Он очень был внимателен к газете «Правда», вычитывал ее абсолютно от корки до корки. А потом ходил вокруг дома (у нас был такой садик) с полковниками, генералами и обсуждал то, что написано. И вот однажды у лифта на лестничной площадке он сказал: «Ой, вы знаете, я сегодня «Правду» не читал, но вы вчера так точно изложили Постановление ЦК КПСС и Совета министров, что мне было этого достаточно». Вот такой комплимент я получил, до сих пор помню. А иногда, когда я говорил о простых вещах, о снижении цен на макароны, консервы, спички, я уже как бы общался с нашей консьержкой тетей Дусей, царство ей небесное. И еще важно, ради чего, зачем я это говорю. Самое страшное, когда информация идет мимо, в одно ухо влетает, а в другое вылетает – вот тогда переключают телевизор на другой канал.

***У вас в дикторском отделе была непримиримая конкуренция?
Против кого вы дружили?***

– Я любил всех своих коллег. И люблю нынешних. Понимаете, это самое доброе, самое лучшее, что было в моей жизни. Я молодой был, симпатичный, мне приходило много писем, в любви объяснялись, узнавали, без очереди пропускали. И вот во время очередной съемки я готовился к эпизоду, а сзади две женщины стояли, просто из любопытства смотрели. Вдруг я слышу, как одна другой громко говорит: «Кириллов? Мне не нравится, фу.

Вот Балашов – это другое дело!» У меня похолодело сердце. Думаю: как, меня не любить?! Но потом я вспомнил слова Ольги Сергеевны Высоцкой, которая говорила мне: если ты мелькаешь на экране, да, кто-то тебя будет любить, а кто-то ненавидеть, да вообще не захочет, чтобы ты там появлялся. У меня истерика началась, я смеялся до того, что многие думали, будто я тронулся. Это я называю «дешевая популярность», она мне очень помогла избавиться от своих недостатков, чтобы меньше себя любить.

«Мне говорили, что я предатель...»

Тем не менее вы не считали себя тогда нормальным пропагандистом, соловьем застоя? Люди давились в колбасных электричках, в поисках дефицита, блата, а вы им бодрым голосом...

Конечно, были мы пропагандистами, агитаторами, кем угодно, но это было необходимо, чтобы люди не замыкались в себе. Вообще это философский вопрос. Чтобы не врать, я сам себе внушал и верил искренне в то, что говорил. Это относится не только ко мне, к каждому из нас. Конечно, любая ложь, любое преувеличение вызывали у людей только раздражение и неприятие. Вы понимаете меня, нет?

Прекрасно понимаю. Но когда началась перестройка, люди поняли, что программа «Время» почти всегда им врал.

– Боже упаси, нет! Это действительно было очень серьезное время, я ушел из программы «Время» на педагогическую работу. Конечно, я очень переживал. Но потом, на мое счастье, меня пригласила молодежная редакция программы «Взгляд». И тоже это было большое испытание, потому что меня не восприняла более возрастная группа зрителей. Я получал очень плохие письма, звонки, мне говорили, что я предатель. Но потом, когда поняли мою миссию с этой молодежью, что я был своеобразным мостиком от старшего поколения к младшему, то они успокоились и, наоборот, стали воспринимать меня нормально.

Да, вы стали своеобразной «крышей» для взглядовцев.

– Это все Анатолий Григорьевич Лысенко придумал, мозг молодежной редакции. Была задумана программа, и Влад Листьев настолько подошел к ней, Саша Любимов, Политковский... Обычное молодежное революционное желание изменить к лучшему жизнь в стране. Конечно, и я не был равнодушным в этом смысле, меня все беспокоило. Я знал то застойное время, оно прежде всего касалось нашей экономики. Много было плохого, но нельзя все это выносить на всеобщее обсуждение, чтобы еще больше не нагнетать.

Но Горбачев-то это вынес на всенародное обсуждение.

– Надежды были очень большие, тем более что по возрасту это был не старик. И казалось, должно быть все нормально. Потом был Ельцин, понимаете... Моя мама, она очень старая была, но она не голосовала за Ельцина. Моя тетушка примерно такого же возраста – тоже. Они не видели в нем того человека, который мог страну восстановить и экономически, и политически даже.

Простите, а вы голосовали за Ельцина?

– А я голосовал, да. Мы надеялись с моей супругой, все-таки наш ровесник пришел к власти. Мы чувствовали, что какие-то изменения должны произойти. И все это отражало телевидение.

Но до Горбачева в застойные годы вас можно было назвать языком Брежнева, он-то уже тогда говорил не так хорошо. Кстати, вы не были его любимчиком?

– Нет, не знаю, каким любимчиком я был, меня это очень тяготило, откровенно говоря, это не я виноват, что меня сделали главным пропагандистом и агитатором в информационных программах. Это просто была линия, которую избрал наш председатель Лапин, он меня не отпускал. Я очень страдал от этого, поймите меня правильно. В первые годы работы своей у меня был такой выбор замечательный! Я заменял театроведов, музыковедов, это так было интересно! Но мне Ольга Сергеевна

Высоцкая, моя творческая мама, сказала: «Если ты так часто будешь появляться в разных передачах, то тебе никто верить не будет».

Вы помните, как Гагарин полетел в космос?

Вы вели репортаж об этом?

– Мы были все на седьмом небе от счастья, и я, и Витя Балашов, и Женя Суслов, наш молодой Мастроянни, как мы его называли. А с Юрием Алексеевичем я знаком был, он был человек совершенно необыкновеннейший.

Вы же зачитывали еще и заявление Политбюро о вводе советских войск в Чехословакию, в Афганистан. Вот Познер в свое время покаялся за то, что, работая на Иновещании, оправдывал наши танки в Праге. Но он был комментатором, не диктором. А с дикторов, может, взятки гладки?

– Знаете, тогда я был молод. Я же был в Чехословакии до событий 1968 года и делал там уроки русского языка для чехов и словаков, очень много снимал в Праге, в Братиславе. Тогда был лозунг президента ЧССР Готвальда: «С Советским Союзом на вечные времена!». Но понимаете, если ты не веришь в то, что говоришь, то не имеешь права выступать перед микрофоном. Я же себе внушал, я верил. Везде тогда писали кодекс строителя коммунизма, и я верил, что коммунизм – рай на Земле, это нереально совершенно. И я старался внушить себе и даже своей жене, что мы должны родить ребенка, чтобы он жил при коммунизме, такое вот самовнушение.

Помните фильм «Зеркало»? Это автобиографический фильм Тарковского. Он вспоминает, как его мама, работая в типографии, увидела ошибку в шапке газеты. Там из слова «главнокомандующий» вдруг выпала буква «л». У вас было что-то похожее, какие-то ужасные оговорки?

– Я только начал работать на ТВ, потом ушел в отпуск. А в это время запустили спутник советско-американский «Эхо-2». И вот я пришел, и в первый же день после отпуска в ночном выпуске

новостей пришло тассовское сообщение. Это были такой одной высоты буквы, точка – тчк, запятая – зпт, ну, условное обозначение.

Как в телеграмме...

– Да. И вдруг я вижу, что написано «Эхо-2» рпт п 2». Прямо в студию мне принесли сообщение, что успешно закончилась работа над спутником «Эхо-2». А тут какие-то еще буквы... Ну я прочитал, что делать, еще неопытный был. Потом прихожу в редакцию, все лежат и хохочут. Я говорю: «Что случилось? Что я наговорил там?» – «Ты понимаешь, мы тебя забыли предупредить. Пока ты был в отпуске, появились новые обозначения. «Рпт» – это репетиция, а «п» – это повтор цифры». Ну, бывали всякие случаи такие. Ведь только прямой эфир, все по живому. Утром, днем репетиция, вечером передача.

Мы видим, как время возвращается, как нынешняя путинская политика воссоздает ту прежнюю советскую систему координат, в том числе и советское ТВ, что бы вы тут ни говорили. Может, тогда вернуть всех замечательных дикторов и опять посадить в эфир? Вы не против?

– Нет, я уже понимаю, что возраст не позволяет мне и моим коллегам вести такие программы, особенно новостные. Пусть молодые ведут. Мне кажется, многое из того, что было достигнуто, остается на экране, и мы можем это наблюдать. Но вы уж как-то слишком критически настроены. Не забывайте, что надо приносить и положительную информацию, чтобы оптимистическая нота была всегда, везде и всюду. Это задача искусства. А если мы будем работать на негативе, к добру это не приведет.

Александр Мельман
12 сентября 2017 г.

